

Бессонные ночи

Матильда пнула служанку в живот, так что та издала горлом неприятный звук и налетела кормой на недвижимое тяжелое кресло, на самый деревянный подлокотник. Тильда смотрела, как она корчится и руки у нее судорожно дергаются, она сейчас заплачет – и ей показалось, что это у нее под платьем набухает кровоподтек, и она сидит на полу, неловко вывернув ногу. Но зато вечером она пошла бы гулять, и не было бы мужа, рождавшихся и умиравших детей, не было бы бессонницы. Она вздохнула, но корсет так сжимал ее стан, что даже ходьба была тяжела. Девчонка не поднималась, она плакала, а Тильда жалела, что так грубо обошлась с ней.

Как ее там зовут? За две недели, что эта девчонка у нее служила, она всего раз назвала ее по имени, еще в первый день знакомства, после того как Лиз повесили за колдовство. Две недели все шло нормально; но крепость была полна молодых солдат, и Матильда прямо таки видела, как за полупрозрачным бледным лобиком этой соплячки плавают всякие грязные мысли. Все эти юные создания не были такими невинными, и за все долгие 33 года жизни Матильды, за 18 лет жизни хозяйкой крепости сколько ее служанки бросали хорошие места из-за орущего младенца, спрятанного в комод в людской, сколько оставались калеками после визита к ведьме и стравливания грешного плода? Солдаты, солдаты... Она встречала их в коридорах своих личных покоев, она встречала их повсюду; за ними, как шлейф, тянулся запах чеснока, спирта, запах невымытых здоровых мужиков.

Она никогда не была злой хозяйкой, но уже месяц она была в раскаленных клещах бессонницы. Этот жар преисподней...

– Принеси мне воды. Я хочу умыться, – девка поднялась, утерла нос рукавом и, сгорбившись, пошла вон.

Иногда вода спасала, и Тильда мылась регулярно даже зимой, когда никому даже в голову такое придти не могло.

В узком окошке стало тесно и сумрачно – снова пошел снег. Снежинки кружились так убаюкивающе, так медленно, но... Матильда не спала уже месяц. Она не спала по ночам – ей хотелось написать это на самой себе, расплакаться у кого-нибудь на плече, чтобы бабка Ада опоила ее чем-нибудь и она заснула, ей приснилось бы хоть что-нибудь; она хотела бы спать в объятиях одного из этих широкоплечих небритых парней – любого, рыжая у него борода или русая, а у самых молодых – у них были такие тонкие шеи с подвижными кадыками, от них пахло не так мерзко, как... Даже совсем не мерзко, а... Такие шеи, такая светлая, еще не успевшая огрубеть и покрыться шрамами нежная кожа.

– Хозяйка, к вам, – шепча отчаянно, срывающимся слезным голосом, служанка вскочила в комнату, – ваш...

Она не окончила – наместник крепости, Маннон, вломился в покои жены. Это была его старая повадка, знакомая Матильде – ко всему возможно привыкнуть, все можно забыть, как Тильда забыла все прошлое, отпихнула на дальний пыльный чердак и не вспоминала ни о чем, только в такие моменты, как этот, она вдруг отчетливо представляла истинное прошлое. На самом деле в шестнадцать лет Тилли была отдана замуж за прежнего наместника крепости, Данглиона, бывшего тогда лет пятидесяти, и имела от него дочь; на самом деле Маннон раньше был всего лишь приятелем Данглиона и наезжал из своей усадьбы несколько раз в год, чтобы в усмерть напиться, потратить скопленные за полгода деньги, поговорить о делах – и что это были такие за дела? – а потом опять пропасть в свои рабские поселения, копить деньги, держать в долгах всех крупных хозяев на мили и мили вокруг. Но был год, и была такая же зима, как теперь. Матильда болела и тем не менее принимала гостя вместе с мужем, улыбалась ему, томясь от мерзкой боли. Это было как раз время нового гона на ведьм, большое время перемен, а горничная Тильды была сведуща в таких делах – много лет она лечила Тильду от мигреней, при ней

она спала, как убитая, и видела дивные сны, вся крепость пользовалась ее услугами. Ей просто не повезло – и в крепости, полной здоровых холостых мужчин, она ухитрилась спутаться с самым жалким, рябым и лысым, да к тому же и женатым на ключнице – когда мужик ушел из семьи, такой вой поднялся, что все женатые бабенки, большей частью старые злые кобылы, плевали ей в лицо из их всеобщей ненависти, из зависти ко всем молоденьким горничным и одевальщицам Госпожи, красивым и таким приятным для мужчин. И тут все понеслось... Тильда ломала руки и тосковала об Адели, но ничего не могла сделать – защитить ведьму, когда в стране провозглашена новая линия, и кто-то большой и сильный наложил свою лапу на все самое ценное – и даже на человеческую жизнь, на человеческую силу, которая могла сокрушить все, в том числе и всякую власть... Все так менялось, и Матильда даже не могла вникнуть во все, что делалось вокруг – а когда она слышала, как Маннон ругается на новые времена, она затыкала уши, чтобы не слышать этого всего, и не думать, что снова настанет время перемен.

В тот год ведьм жгли, и топили, и вешали, и часто это были совсем не ведьмы, а просто забеременевшие любовницы генералов крепости. Как Лиз, которая попала в руки Белого Старца, который пытал ее полторы недели (что он с ней там такое делал, если потом вырвал ей язык, чтобы она никому ничего не рассказала) а затем признал виновной в ведовстве, направленном против Белого Короля и повесил ее, тело сжег, а пепел увез в Черные кущи. Лиз ждала ребенка, и Матильда очень привязалась к ней.

В тот год Маннон прибыл к ним не как гость, а как несчастный, просящий помощи. Он был голоден и наг – вернувшись из похода на Степи, зачем-то ему так необходимым, он нашел свою деревню и свой дом сожженным... Данглион принял его, Тильда улыбалась ему в трапезном зале, чтобы он не дай бог не подумал, что чем-то не угодил хозяевам.

У него не было ничего, кроме золота – а Данглион не знал ни о чем, и оставил его жить в крепости, и беспрепятственно общаться со своими солдатами. Через месяц все они уже были перекуплены Манноном – потому что был он колдуном или божеством, но у него было столько золота, сколько ни король, ни тем более Данглион никогда не имели. После того, как они перерезали весь личный отряд мертвого наместника, пьяные солдаты, все залитые кровью, лежали около входа в господские покои и клялись, что прирежут самого господина бога, если тот посмеет пригрозить их Маннону, их божественному Маннону...

И тогда он так же, как теперь, один и без всякого страха или волнения, явился в покои госпожи крепости с отрубленной рукой ее мужа – уже мертвого, безнадежно мертвого, – и заявил ей, что теперь он сам становится наместником, и на то уже есть величайшее дозволение Белого Короля, а он теперь готов осчастливить ее браком с новым наместником... У него на лице не было никакой мимики, никаких эмоций, как у медведя.

– Сегодня я буду есть на женской половине, – просипел он. Зимой он всякий раз терял голос, и ревел, как зверь.

Снег за окном падал и падал, и казалось, что это уже наступает вечер – через несколько часов после рассвета, и Тильда мечтала о том, что сегодня она вечером ляжет в постель и будет спать, спать, спать...

Восемь лет назад единственная дочь Матильды, Эдит, еще не была даже подростком, не на что было взглянуть, а теперь она стала совсем взрослой и все время чему-то улыбалась; она могла кокетничать с солдатами и могла потребовать, чтобы одного из них избили на конюшне. Она вступила в самый возраст, и Тильда думала о том, что нужно бы вывезти ее ко двору, или, лучше, приискать ей мужа среди богатых соседей, но Маннон только хрипел, едва жена заговаривала с ним об этом; последнее время он был весь в делах, и Тильда перестала посещать его, от чего вздохнула свободнее.

Пахло мясом, и от этого запаха ее тошнило. Маннон сел во главе стола, ему прислуживала эта новая девчонка, которая наверняка боялась его еще больше, чем хозяйку.

– Здравствуй, мама, – сияла Эдит. Она была причесана необычно, ее черные косы казались бесконечно длинными и мягкими, словно у богини.

Она сияла, осматриваясь вокруг, улыбалась гостье, недавно прибывшей в крепость – богатой старухе, слепой и глухой, которая только иногда выкрикивала короткие фразы со степным произношением, и похоже это было на карканье старой вороны, такое неприятное в треске огня, молчании, скрипе зубов и стуке опускаемых кубков.

Маннон не любил бабской болтовни, и Эдит не могла сказать ни одной из тех колкостей, которыми баловалась с матерью – зато никто не мешал ей заглядываться на недавно нанятых ратников Маннона, относительно молодых и красивых, сидевших напротив. Их лица – какое они имели значение, но прибыли они из-под столицы, были профессиональными военными и привезли вместе с собой много денег и вещей, а заодно и новую моду – Тильда не замечала, как присматривается к их странно, ново и дорого расшитым кафтанам, а не к ним самим.

После трапезы Маннон отдельно и медлительно заговорил и делах со своими ближними, Эдит делала вид, что внимательно слушает их. Матильду снова разбирала тошнота, глядя на небольшие черные глаза мужа, она заметила, что не видит четко бликов и зрачков, в той же неприятной дымке она видит и лицо дочери, и бородавку на носу старухи... «Неужели я старею?... Неужели уже?... Я, наверное, скоро умру.» Она поперхнулась; Эдит смеялась на том конце стола.

– Мама, с тобой все в порядке? – Эдит, прищурившись, глядела на мать, и заставила всех в один миг вперить взоры в бледную Матильду. – Ах, ты так дурно выглядишь, тебе нездоровится?

Тильда закашлялась и даже не могла ей ничего ответить. А они все глядели на нее, и Маннон тоже, слишком внимательно, слишком задумчиво и недобро, не так, как раньше – он смотрел и будто бы обдумывал, решал что-то на ее счет.

– Ах, мама, должно быть, тебе следует отправиться к себе!.. Алиса, проводи ее... – и белесая новенькая служанка подскочила к младшей госпоже. – Мама, прошу тебя...

– Холодно!.. Невыносимо холодно!.. – выкрикнула старуха.

«Она говорит со мной как с немощной бабкой,» – подумала Тильда.

– Ну ничего, скоро согреется, – захрипел Маннон.

Матильда не заметила, как тощая Алиса уже вытащила ее из-за стола и они двинулись узкими коридорами к ее спальне. «Зачем все это? – Она уже не чувствовала себя такой уж слабой, но возвращаться было поздно. – Что происходит? Не поймешь...» Она не была больной, сидя в прохладных покоях не чувствовала холода – только жар, жар... А все потому, что она не спала. Она скучала в одиночестве, а эта дубовая девка сидела на стуле, сутулясь и вывалив вперед мелкий живот – с ней нельзя было ни о чем поговорить, так что Тильда недолго поплакала о том, что Лиз нет. Малявка Алиса смотрела в одну точку, у нее был раскрыт рот и дышала она тяжело – так что Тильда могла догадаться, о чем она так задумалась, и где пропадает, когда часами не появляется на месте, в то время как хозяйка ждет и злится.

– Пошла вон.

Алиса покраснела, вскочила и скоро выскочила в дверь.

Тишина. Простыни стали раскаленными от ее тела; головная боль бессонницы окутала Матильду густым платком, приглушающим всякие звуки. Тут, в темноте и тишине, она часто боялась ночи и случайных шорохов; несколько дней новенькая спала вместе с ней, а за то, что она сама болтала во сне и пугала хозяйку Матильда била ее... Теперь, в пустоте и жемчужной черноте, ей невыносимо нужно было поговорить с кем-то.

– Алиса! Алиса, зараза, быстро сюда!..

Ничего не поменялось – только собственный голос шуршал по углам, как летучие мыши, иногда залетающие из башни.

Пару часов она лежала на кровати, обхватив одеяло пылающими ногами. Голова болела, болела, и воды не оказалось в комнате; Тильда с трудом одела платье, заправила волосы за уши и вышла вон.

Свет тонкими лучами пробивался из-под дверей, мерещились слышны голоса... В гранитном переходе Матильда наткнулась на шестерку солдат, шагавших куда-то на пружинистых ногах, такие резвые даже в тяжелых кольчугах. От них пахло свежестью зимней ночи и снег еще не успел растаять на плечах; Матильда смотрела на них, а они заглядывались на нее...

Эдит, должно быть, уже спала, но Тильда все же направилась к ней и с удивлением услышала шум и музыку из ее комнат. Словно это был какой-то пир – но она ничего не слышала о нем, а какой пир в замке может состояться без его госпожи?.. Сквозняк прошел по ногам, она поехала – дверь вдруг распахнулась, и красноватая полоса света расстелилась до самой галереи – и против света пошел прочь какой-то большой человек, высокий мужчина, косолапой походкой кого-то Тильде очень напомнивший... «Не хватало только романа с кем-то из солдат... Приличного рыцарства здесь никогда не собиралось, – с досадой подумала Тильда. – Ах, Эдит...» Секунду она решала, не войти ли ей, но тут же вспомнила дочь – и свой последний главный страх... До чего же невыгодным будет сравнение, какой старой она покажется рядом с дочерью. Она решительно не может позволить себе отныне появляться среди людей без тщательных приготовлений, а теперь, чуть ли не в ночной сорочке... Нет.

Красный свет все еще горел, и Эдит смеялась так громко и легко, неожиданным и непривычным смехом, обольстительно-пьяным, что сердце у матери сжалось – но она лишь решила поговорить с ней утром, любой ценой, и сказать ей все, наконец. Последнее время иногда, при всех слезах, проливаемых за дочь, молитвах, которые она читала ради своей девочки, Матильда испытывала острое желание ударить ее. Она росла без отца – и никто не бил девочку, как били саму Тилли в детстве, как и всех ее братьев, когда она еще жила на хуторе, и Эдит выросла истинно – без царя в голове, так что даже мать не могла на нее повлиять, а жаловаться на нее мужу Матильда не смела... Детство дома. Мать любила ее, свою единственную драгоценную дочку; старшие братья все ушли на войну со степями, и все они, даже пыльные и грязные, даже в своих деревенских доспехах, казались ей, маленькой Матильде, самыми добрыми и милыми, теми, кто иногда смеялись над ней и задирались, но ловили белок в лесу и доставали с высоких шкафов варенье, а брат Якоб раз привез из крепости ей красные сапожки. Якоб был из них самый красивый, он первым ушел на войну и покрыл себя славой, даже мама выделяла его особо из троих сыновей. Матильда помнила его восемнадцатилетним – больше она никогда его не видела. Он сажал ее на лошадь, когда Данглион увез ее в крепость как свою невесту.

А теперь она шла, свечи дымили по стенам. Те слова, что томились в ней, не были сказаны, Тильда спускалась все ниже и ниже по ступеням лестницы... Туда, откуда тянуло сквозняком и пахло снегом, где красный свет фонарей не расстраивал и без того утомленной души Матильды. Обхватив локти руками, она обратилась к часовому, сидевшему у больших дверей:

– Открой мне дверь!

– Госпожа? – сонно спросил страж. – Простите, госпожа, не лучше ли вам пройти малым ходом?

– Нет, – упрямо ответила Матильда. – Я хочу выйти из замка через парадный ход!..

Пальцы мерзли, она прятала их в рукава. Кто бы мог подумать, что уже светает, почти утро, улицы видны без факелов или фонарей; еще шел снег, но из-под огромной снеговой тучи разгоралось на горизонте солнце. На большой дворе стояли обозы, от лошадей поднимался пар – оказалось, что большие ворота открыты, а через ров перекинут мост, и по нему, в малиновых заводях зари идут, идут новые колонны солдат... На их доспехах блистали малиновые огни, под копытами коней трещала деревянная мостовая, белые облака пара уплывали в небо.

Матильда спустилась к дальним улицам, где свет уже был вовсю. Она никогда не бывала за стенами замка в такое время, и даже воздух казался ей не таким, как всегда. Из Белых Стен доносились звуки утренних заклинаний. Смешно. Господь Бог сменил профессию, и теперь молился, творил долгие дела и поддерживал развитие новых путей человеческих душ... Теперь Белые Стены собирали вокруг себя всякий люд – кто-то говорил, что на небе ничего нет, и что под землей нет преисподней, и что на самом деле Господь не мог создавать человека; они создавали карты, учили желавших грамоте, книг там переписывалось больше, чем в церквях... Там готовили лекарства, а всякие новинки часто испытывали на заключенных ил приговоренных к смерти. Теперь троица бабок тощих монахов в будничном черном шла к низкому барaku, который последний год служил тюрьмой. В крепости никогда не было своих острогов, наместник справлялся, а теперь вон, развели убийц. Они сидели в подвале, за кольями, и если приглядеться, Матильда могла разглядеть лицо человека, стоявшего у зарешеченного окна. Он держался за оструганные, вытертые палки руками ярко-красными, с синевой от жуткого холода.

– Матильда!.. – вдруг позвал он; голос, голос... – Тилли!

Матильда боялась останавливаться – он мог знать ее имя, он мог убить ее, просто так, как испуганное животное, которое того гляди забьют на ужин, он мог заразить ее оспой, которая всегда начиналась из таких мест...

– Матильда! Это я, Матильда!..

Он закричал так громко и пронзительно, как будто кто-то отрывал от него кусок. Тильда испугалась этого крика, и ей хотелось только, чтобы он скорее замолчал.

– Перестань, немедленно замолчи! – прикрикнула она на него, опускаясь на колени возле окошка. – Я приказываю те...

– Это я, Матильда, я... – Он кричал так громко, что там, в темноте подвала, куда не добирался солнечный свет, глухо заворчали. – Ты не узнала меня?

Голос не казался ей знакомым, а лицо, грязное и заросшее бородой... Откуда ей было его знать?

– Это я, Якоб! Якоб! Неужели ты не помнишь?

Он заплакал. На его грязном, неузнаваемо опухшем и покрытом коростами лице Тильда увидела слезы. И глаза ее милого брата, когда-то такого красивого, такого красивого! Тильда закусила губу. Много лет ничто не напоминало о нем, и она не думала, что родители скорее всего уже давно мертвы, а братья умирают, как Якоб, в плену, покалечены, или... Ничего хорошего, ничего из того, что описывают чудесные легенды, никакой славы, почета – и старые раны невыносимо болят, и твои родные уже в могиле, и ничего, ничего...

– Тилли, спаси меня... Спаси, прошу тебя...

– Якоб, ты ли это? Господи, господи... Как ты попал сюда?

– Матильда, помоги мне, я знаю, ты можешь. Упроси своего мужа, пожалуйста!

– Тебе нужны деньги? Ты должен кому-нибудь? Я помогу, да, конечно, сколько?... – Она смотрела на его переломанный нос и не могла сдержать боли, распускающейся в сердце. Его глаза с красными белками глядели на нее, словно она была господом богом.

– Нет, нет... Он считает, что я предатель, что я против него... Это не так, скажи ему!.. Пожалуйста! Он думает, я стану протестовать, когда он... Он думает, я подниму своих ребят против него... Но это не так, Тильда! Нет! Сестра, я ведь был сотником, представь себе, я теперь я никто... Знаешь, я так не хочу умирать теперь. Мне так...

От него не осталось ничего, кроме глаз. Но его пальцы еще немного гнулись, и он держал ее за руку, чтобы она не ушла, не убежала. Он говорил, ему мешал кашель, двое других заключенных подошли к нему и стали кричать, кричать... На прощание брат чуть сильнее сжал ей руку; оранжевый луч показался из-за угла, подбежал к ногам Матильды, а она только обернулась и пошла к замку.

День прошел в болезни. Эдит не явилась, Маннон засел в своих покоях, а в крепость прибывали все новые и новые силы, будто начиналась война. Никто даже и подумать не мог, что столько солдат возможно разместить в этом замке. Матильда не могла забыть об обещании, данном брату, но и к мужу попасть не могла, и это гнело ее целый день, тянувшийся долго и скучно, как целая жизнь.

Это был день, когда новая служанка Госпожи Алиса обручилась с лучшим мужчиной на свете, со своим Томом. Он был рыж и длинноног, и когда она выпросила у экономок ключ от маленькой кладовой, чтобы там побыть наедине, Алиса была на седьмом небе от счастья. Ее всю переполняли всякие счастливые мысли, и когда она сидела на непоколебимо прочных коленях своего Тома мир для нее был раем господним.

– Давай я свяжу тебе свитер? – спросила Алиса, поглаживая рыжую кудрявую голову.

– Угу, – ответил Том.

Ту ночь Матильда уснула блаженным крепким сном. Она видела леса и поля; вместо опостыленного снега и холода белые хлопья тополиного пуха носились в воздухе, и она бежала куда-то... Или от кого-то? Но нет, нет, не было никакой тревоги или страха, только покой, только воля, только крепкий травяной запах. Кто-то был рядом с ней – и она чувствовала свою руку, сжатую в другой теплой руке.

Утром она не шла, а летела. В это время за окном начиналась буря.

Она как раз собиралась отправиться к Маннону, но от него только пришел человек и велел ей приодеться; они ждали гостей из столицы. Что за гости? Тильда не знала, но приказала готовить ей платье, а перед одеванием решила сходить к Якобу... «Может, его перевели в другой барак, или он спит, или я не вовремя и он только разозлится, что я так ничего и не успела...» Много лет Тильда только приказывала, а теперь не чувствовала себя тут хозяйкой и терялась даже когда нужно было отдать распоряжение слугам, и шла к брату, будучи менее всего какой-то властной дамой... Слуги шептались, бегали, Алиса явилась с красным заспанным лицом и опозданием, только на улице была буря и яркое солнце одновременно, так что мело и светило, как летним днем. Тревога закрывала Тилли глаза, но сон и первая ночь отдохновения от долгих мучений несли ее над землей.

Возле окошка стояли еще женщины, и Матильда даже удивилась, как плохо все они были одеты – они словно не видели никого вокруг и только звали монотонно-плачущими голосами своих мужей, и немногие лишь отзывались, подходили к решетке... Якоб подошел.

– Прости, я еще не успела...

– Ладно, Тилли...

Он закашлялся, ухватился за колья. Какой-то мужик выхватывал из рук жены сверток с едой, его жена рыдала и прижималась к стене, чтобы не упасть. Якоб взял за руку сестру, он говорил что-то, но ветер и шум жег его слова. Трое стражников вышли из-за черной потрескавшейся двери и стали разгонять голосащих баб, которые впивались им в одежду, мужики-заключенные кидали снег ослабшими руками, но ничто не могло остановить смерть, которая надвигалась на них всех. «Перед смертью не надышишься», – сказал парень из стражи, толкая бабу.

Тильда только чувствовала, как он взял ее пальцы и поцеловал самые ногти – холодные, но своими теплыми, живыми губами.

Она чувствовала это, пока возвращалась в замок. У нее в горле стояли слезы.

Посыльный от мужа должен был сопровождать ее – словно она сама не могла проделать этого пути. Он никогда не встречала этого помощника – должно быть, он прибыл только недавно, а теперь смел прямо глядеть на госпожу таким масляным черным взглядом, и пропускать ее впереди себя, и кланяться недостаточно низко. От резкого света на галерее она слегка ослепла и слуга, подхватив ее под руки, провел ее к месту. Матильда едва углядела, что Маннон и Эдит были уже там. Сугробы сверкали, как облачные

райские кущи, Матильда выглядывала гостей, но никого не видела – только солдат, стоявших за малой стеной, и помост, на котором было множество людей в белых одеждах – кого-то она уже видела по заседаниям Белого круга, чьи-то лица были ей незнакомы.

На круг вывели человека в цепях – он был весь залит кровью, словно только что выкупался в ней; Тильде было скучно слушать, о чем тут пойдет речь, и она глядела по сторонам – на дворе сооружали помост для казней, вот, после тюрем настало время казней, и к плахе и здоровому палачу в бело-красном тянулась цепочка связанных людей. «Якоб», мысль заикнулась; Тильда скорее отвела взгляд.

– **Ну что же, Ваше Белое Величество?**

Вопрос прогремел у нее в ушах, Маннон никогда не отличался слабостью голоса; Эдит засмеялась.

Это был король, стоявший перед ними, униженный, оскорбленный, кровавый и слабый. Не было его величавых одежд, не было магов, за стеной солдаты орали пьяные песни, а в крепость все еще приходили обозы с людьми и деньгами.

– Что за приговор будет этому жалкому смерду?

Король стоял, шатаясь, а старцы в белых одеждах уже поднимали руки... Новый порыв ветра налетел из-под сверкающего облака, король поперхнулся, закашлялся кровью, и – упал.

Короткие ленты мыслей срастались внутри у Матильды, и сама она – примерзала к трону, а на ее пальцах еще пламенел последний поцелуй любви, последний...

Эдит смеялась.

– Что за приговор будет этой жалкой изменнице?

Эдит смеялась, белые руки взлетели вверх.

Хозяйка совсем не любила Алису, и Алиса не любила ее, но в тот миг, когда во время казни из черной спинки ее трона вылетело лезвие, так легко отделившее голову госпожи от ее господского тела, служанка оплакала и ее заодно. Вместе с ее милым Томом.

Ночью они были вместе, а тут вдруг в их уютную комнатку ворвались двое в красно-белом, и... Том был повешен через два часа вместе с тремя приятелями, и Алиса плакала так, как никогда в жизни, а ее сердце разрывалось в груди. Она могла расплакаться просто от вида сонной мухи, летящей к печи, не то что от вида слетающих голов. Говорят, теперь Маннон становился королем, солдатня уже орала в его честь похабные свадебные песни – венчаясь на трон он еще и венчался с дочерью своей опальной супруги, новой королевой Эдит.

Алиса плакала в коридоре, и тут к ней подкатил какой-то солдат. Она только вздохнула, сглотнула и пошла, делать нечего... И когда он лапал ее, Алисе было больно как от ласк каленым железом – ведь это был не Том, совсем не Том, невыносимо, невоскресимо не Том...